

— Любимый?

Это слово, слетевшее с губ Чжун Ли, невольно несло в себе какой-то нежный, вязкий оттенок. Тарталья внезапно напрягся: он и представить себе не мог, что Чжун Ли произнесет такое.

По его впечатлениям, Чжун Ли должен был быть зрелым и степенным. Судя по его наблюдениям, даже личные увлечения Чжун Ли — всякие там прогулки с птицами, чаепития и прослушивание оперы — были чем-то, что нравилось лишь пожилым людям.

И вдруг такое молодое, живое ласковое прозвище слетает с его уст! Тарталья ощутил странное, виноватое чувство, но раз уж он начал притворяться, то теперь, если вдруг...

Тарталья торопливо мотнул головой. Тыфу ты! Если тебя поймают на розыгрыше, тебя ведь наверняка до смерти изобьют, верно?

Хотя он вовсе не считал, что обязательно проиграет, ему почему-то казалось, что во время поединков с ним Чжун Ли не выкладывался в полную силу.

Выражение лица его собеседника было слишком уж насыщенным, а жестикуляция — чересчур примечательной. Чжун Ли совершенно не понимал, о чем Тарталья успел подумать всего за эти несколько секунд.

— Д-да. А что? Договорился со мной, а теперь хочешь бросить после того, как соблазнил? — Тарталья немного робел, но стоило только начать, как дальше слова полились сами собой.

Он был прав, всё так и было! Ведь они изначально договаривались сразиться, а это Чжун Ли безответственно забыл про него, так что в случившемся виноват исключительно его соблазн и последовавшее бегство!

Тарталья уверенно кивнул, посчитав собственную логику безупречной и крайне разумной.

Собеседник, казалось, рассердился еще сильнее. Чжун Ли никак не мог взять в толк, что именно так его разозлило, и, поразмыслив мгновение, совершил поступок, который застал Тарталью врасплох.

Чжун Ли рывком притянул Тарталью к себе, загоняя в угол, и уперся одной рукой в стену. Поскольку он был капельку ниже Тартальи, ему пришлось слегка приподнять подбородок, из-за чего его губы случайно коснулись уголков губ Тартальи, словно озорной порыв весеннего ветерка.

Касание было мимолетным. Зрачки Тартальи сузились, он даже не смел вздохнуть — всё его тело окутывал легкий, присущий одному лишь Чжун Ли аромат.

— Т-ты... что ты делаешь?!

Чжун Ли слегка растерялся: почему эмоции стали еще бурнее?

— Пытаюсь тебя развеселить, — озадаченно ответив, он покосился в сторону угла. Какая-то парочка вон там вела себя точь-в-точь так же.

Стоило парню разозлить девушку, как один-единственный поцелуй мигом всё улаживал и возвращал к миру. Наверняка с Тартальей этот способ тоже должен был сработать.

Проследив за взглядом Чжун Ли, Тарталья наконец понял, что тот имел в виду.

— К-кто просил тебя меня веселить!

— Ты сердишься, разве не следовало тебя порадовать?

Хотя с точки зрения Тартальи поза того парня, подпирающего стену одной рукой, выглядела слегка нелепо, на Чжун Ли этот жест смотрелся почему-то необыкновенно красиво и мужественно.

Ах! Его мозг определенно сломался, о чем он вообще думал!

Тарталья попытался взять себя в руки: перед ним же враг! Соперник! Как можно находить его привлекательным?!

К тому же его самого приняли за девчонку!

Вот с этим он смириться никак не мог: он ведь был выше и сильнее (по его собственному мнению), верно? Нет уж, этот раунд он обязан был выиграть!

Протянув руку, он перехватил запястье Чжун Ли и чуть-чуть поддал усилия, отчего их роли мгновенно поменялись местами. Теперь всё выглядело так, будто это он помогает честной девицы, и мысли Тартальи немного свернули в сторону.

Его взгляд был прикован к уголкам губ Чжун Ли: на вид тонкие, но когда целуешь — такие мягкие.

Затем на его губах заиграла усмешка:

— Господин Чжун Ли, целуются вовсе не так. Позвольте мне научить вас, что такое настоящий поцелуй.

Чжун Ли еще не успел толком обдумать, не совершил ли он где-то ошибку, как его внезапно заключили в объятия, прижав спиной к холодной стене.

На мгновение он оказался в довольно двусмысленном положении. Чувствуя себя неудобно, он машинально попытался отстраниться.

Заметив сопротивление человека в своих объятиях, Тарталья сжал хватку еще сильнее, наглухо заблокировав его ноги своими и намертво зафиксировав руки Чжун Ли.

С подобным опытом Чжун Ли, судя по всему, столкнулся впервые, но поскольку он находился в состоянии амнезии, а сам не знал, так ли обычно ведет себя со своим любимым, ему оставалось лишь плыть по течению.

В слишком тесном пространстве дыхание Чжун Ли участилось. Белоснежную кожу покрыл легкий розовый румянец, а из-за напряжения во всем теле проступили синеватые жилки.

Жаркое дыхание обжигало кожу, и тело, казалось, стало еще горячее.

Чжун Ли с недоумением подумал о чем-то, но стоило ему лишь приоткрыть рот, как эта волна жара без сопротивления вторглась внутрь.

Тарталья, одновременно вспоминая то, чему учили в книгах, и повинаясь велению собственного сердца, предавался процессу.

В книгах писали, что ощущения от этого потрясающие. Раньше Тарталья в это не верил, но теперь, когда факты были налицо, он решил впоследствии отсыпать автору немного моры — писали неплохо.

Хотя раньше одна лишь мысль о подобном вызывала у него дичайшее отвращение, на удивление, делать это с человеком перед ним оказалось невероятно приятно.

Руки, до этого крепко сдерживавшие Чжун Ли, постепенно расслабились. Чжун Ли, всегда отличавшийся безупречной и аккуратной одеждой, не оставил этим рукам ни единой лазейки.

Наконец коснувшись обнаженной кожи, эта рука то слабее, то сильнее сжала шею Чжун Ли, а пальцы зарылись в его волосы.

Внезапно хватка усилилась, словно для того, чтобы добыча не вырвалась, накрепко подчиняя себе все движения.

Словно желая оставить собственный запах, он с колоссальной долей агрессии ставил свою метку.

Когда Тарталья осознал, что именно он натворил, он в панике отпустил Чжун Ли и, словно провинившийся ребенок, застыл перед ним, опустив голову.

И правда, эта проклятая жажда победы вечно заставляла его творить всякую чушь!

<http://bllate.org/book/21480/2198139>